

Властный дискурс и дискурс лесбийской сексуальности: точки соприкосновения

Моя цель – рассмотреть соотношение властного дискурса и дискурса сексуального. При чем дискурс сексуальный будет мной конкретизирован как дискурс лесбийский. Сразу же оговорю, что меня весьма удовлетворяет точка зрения М. Фуко на соотношение власти и сексуальности. Возможность рассматривать дискурс лесбийский я оправдываю включенностью в него.

Мишель Фуко в работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» дает весьма в последствии укрепившееся определение понятию сексуальности. Фуко настаивает, что секс (как история, значение, дискурс) есть причина всего [Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности /<http://www.lib.ru/fuko.htm>]. Человек сам разместил себя под знаком секса, создав тем самым особую Логику секса. Все «человеческое» (тело, душа, история, индивидуальность) раскрывается через понятия вожделения и желания – составляющие секса. И именно через понятия вожделения и желания мы предполагаем, «что мы такое».

Распределение властных отношений внутри сексуального дискурса не всегда одинаково, оно предполагает вариативность. Дело в том, что главная функция сексуальности внутри властного дискурса – это связывание гендерных, социальных, возрастных и прочих элементов: мужчину с женщиной, администрацию с населением, родителя с ребенком и так далее. Более того, сексуальность дает возможность власти значительно расширить область действия своего механизма (менее естественные «сексуальные политики») на гомосексуальную практику, детский возраст, маргинальные классы и так далее

Суть власти у Фуко раскрывается прежде всего на примере маргинальных субъектов: заключенных, больных, безумцев. А также женщин. По мнению Фуко, женщина репрезентирует себя в культуре через дискурс вины, женщина – носительница признающей субъективности. Естественно, виновата женщина перед мужчиной. Весьма очевидно, что чувство вины может возникнуть у человека, не исполняющего какие-либо законы, установленные другими. Ощущающий вину – нарушитель; здесь мы напрямую входим внутрь властного дискурса. Фуко обращает специальное внимание на то, что дискурс признания в культуре – это всегда дискурс вины и что «идеальной» фигурой воплощения вины в истории является женщина. Позднее феминистский критицизм подтвердит это положение тезисом о том, что основной формой женского литературного письма традиционно является автобиографическое письмо как письмо признания.

Я полагаю, есть два этапа женского признания: с конца XVIII века, когда женщина перестает быть асексуальной (в глазах мужчины) и приобретает сексуальную идентичность. Но именно мужчина, в силу того, что имеет власть над женщиной, «наделяет» женщину сексуальным желанием, и женщине приходится смотреть на собственную сексуальность с маскулинных позиций. На втором этапе (с середины XX века – время разворачивания феминистского движения) женщина начинает осознавать собственную сексуальность как независимую от мужского взгляда. Во многом, это, конечно, заслуга лесбийской точки зрения. Это понятно, потому что лесбиянка сталкивается с женской сексуальностью непосредственно. Она видит собственную сексуальность со стороны, вместе с этим видит и внутреннюю сторону женской сексуальности.

В связи с этим попробую перенести известную концепцию желания Ж. Делеза на лесбийский дискурс. Желание не обладает свойством имманентности, потому что иначе оно не будет интенционально, а это абсурдно. Желание непременно предполагает Другого. Для женщины традиционно Другой – это мужчина. Возникает вопрос: является ли женщина для женщины же – Другим? Отношения «Я – Другой» – это архетипические властные отношения; и в модели феминное – маскулинное они очевидны и оправданы. Но можем ли мы говорить о подобном же распределении власти в двойной феминной (лесбийской) модели отношений? Позволю себе сделать одно допущение. Не хочу смело заявлять, что женщина-

лесбиянка лишена Другого, скажу, что она лишена мужчины «как Другого». Тогда имеем следующую модель желания. Лесбийская сексуальность по определению лишена фаллоцентричности, лишена этого мужчины «как Другого».

Здесь мы сталкиваемся с устоявшейся концепцией бинарных оппозиций (Я-Другой). Но возникает вопрос: применима ли она для описания дискурса лесбийских (шире – гомосексуальных) отношений? Постмодернизм, как известно, отрицает бинарность; с другой стороны именно постмодернистскими авторами был поддержан гомосексуальный дискурс.

Некоторые представители феминистской теории вообще отказывают существованию власти внутри лесбийского дискурса. Элизабет Гросс, вводя понятие *queer*-идентичности, в первую очередь указывает на оппозицию по отношению к нормальным сексуальным понятиям как репрессивным конструкциям власти. *Queer*-теория отодвигает гендерные различия мужского и женского, став абсолютно независимым контентом субъективности. Другими словами, *queer*-идентичность описывается не в рамках бинарных оппозиций.

Другая феминистская исследовательница Сэдживик Ив Кософски отказывается от принятого положения о подавлении гетеросексуальным дискурсом гомосексуального. Но на основе этого бинаризма рождается важная для нее категория – гомофобический дискурс, который оказывается определяющим в модели властных отношений. Данная модель подвержена изменениям в случае осуществления процесса *coming out* – выхода гей-лесби субкультуры из чулана (в терминологии Сэдживик). «Гомофобический» дискурс долго будет держать запертым «чулан» в силу того, что прекрасно осознает активность, перформативность гей-лесбийского дискурса и силу «экспериментального желания» (основного контента *queer*-идентичности).

Как указывал Зиммель, внешнее положение мужчин и женщин не симметрично – это очевидно. Но и внутренние половые установки у мужчин и женщин не одинаковы. Назову их *гендерными ощущениями*. Мужчина в силу универсальности маскулинного дискурса может оторваться от пола в различных сферах деятельности (на охоте, в политике, в науке или искусстве). Маскулинность всегда предполагает доминирование социальности, где пол (в биологическом понимании) отодвигается на второй план. Женщина же постоянно оставляет за собой след собственной феминности – она обречена *ощущать* свой пол. Женщина-ученый или женщина-писатель, в первую очередь женщина и лишь потом ученый или писатель. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с биологической доминантой.

Возникает вопрос: возможно ли такое состояние в культуре, при котором ощущение пола женщиной будет преодолено? Возможно, лесбийский дискурс и является таким состоянием. Сейчас попробую разобраться в том, усиливается ли описанная выше асимметрия у женщины – лесбиянки. На мой взгляд, здесь имеется колоссальная асимметрия между внутренней (для самой лесбиянки) и внешней (как социальной женщины) стороной репрезентации феминного. Сама лесбиянка меньше ощущает эту асимметрию гендерных ощущений. В любом случае, лесбиянка в большей степени включена в маскулинный дискурс, нежели гетеросексуальная женщина, хотя бы потому, что она является носителем символического (фетишистского, в терминологии Фрейда) фаллоса, но посредством сексуальности «лесбийская маскулинность» проявляется во всех социальных практиках. С другой стороны (и в этом патриархальная точка зрения), лесбиянка – это, прежде всего женщина. Это как приведенный выше пример с женщиной-писателем и женщиной-ученым, только здесь женщина проявляется не в профессиональной сфере, а в сексуальной, что, в принципе, не имеет значения. В этом случае асимметрия гендерных ощущений лесбиянки не будет отличаться от гетеросексуальной женщины. Таким образом, с одной стороны, лесбийский дискурс является своего рода гарантом реализации феминности внутри социальности; с другой стороны, дает повышенное ощущение пола за пределами маскулинного дискурса.

Секс внутри гетеросексуального дискурса есть в первую очередь игра, безусловно, основанная на удовольствии и желании, но представляющая собой ролевое подавление мужчиной (как носителя фаллоса) женщины. Внутри лесбийского дискурса ситуация иная.

Элизабет Гросс (феминистская исследовательница) считает, что генитальность не является привилегированной формой лесбийской сексуальности. Если мы будем думать так, то сведем женские отношения к фаллоцентрическим (вернее, конечно, клитероцентрическим). Женщина, становясь лесбиянкой, обрекает себя на пожизненное экспериментирование со своей сексуальностью, лучше сказать, чувственностью, телесностью. Взаимосвязь груди и руки, пальцев и вельвета, сандалий и песка, розы и носа – все эти частные, частичные и не обязательные связи могут, по словам Гросс, составлять новое поле лесбийской сексуальности. Таким образом, здесь речь идет о расширенном понимании объекта желания. Бумага и ручка могут стать таким же объектом приложения лесбийской чувственности как обнаженное тело другой женщины.

Таким образом, я делаю вывод о том, что властный дискурс, безусловно, распространяется на лесбийские отношения. Однако же сам объект лесбийского желания совершенно иной в сравнении с гетеросексуальными отношениями. Лесбиянка лишена мужчины как Другого, ее сексуальная интенциональность не фаллоцентрична. Лесбиянка способна «ощущать» властный дискурс внутри себя в силу собственной включенности и в феминный и в маскулинный дискурсы одновременно.